

ЛИЯ
СУЛТАН

Я хочу быть
ТВОЕЙ
ЕДИНСТВЕННОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лия Султан

Я хочу быть твоей единственной

«Автор»

2026

Султан Л.

Я хочу быть твоей единственной / Л. Султан — «Автор», 2026

Мы странно встретились. Раз, другой, третий. Отрицать искру, притяжение, влечение вскоре стало бессмысленно, и мы нырнули в эти отношения, как в омут с головой. Но между нами большая разница в возрасте: мне 33, ему 49. А еще мы живем и работаем в разных городах, но ни один из нас не собирается уступать. И куда приведет нас роман на расстоянии и эта безумная, обжигающая страсть?

© Султан Л., 2026

© Автор, 2026

Лия Султан

Я хочу быть твоей единственной

Я хочу быть твоей единственной

Лия Султан

Глава 1. Безупречная стерва

Сая

Изящно, насколько это возможно, влетаю в новое пафосное место, куда меня пригласили подружки. Каждый раз, когда я прилетаю из Астаны, они считают своим долгом показать мне, что такое настоящий алматинский сервис из серии “дорого—богато”, а не этот мой столичный вайб или как говорят девчонки “снобизм”, которым веет даже от официантов. Врут. В моих ресторанах все выстроено так, чтобы гости уходили сытые, довольные и счастливые. Выкатывались, как Колыбки и обещали вернуться.

Окидываю придирчивым, профессиональным взглядом свеженький ресторан и меня тут же замечает и берет в оборот молодая, стройная, красивая хостесс. Все правильно: милая мордашка, хороший парфюм, строгое, но выгодно подчеркивающее все изгибы черное платье и аккуратно стянутые к затылку волосы. Девушка ведет меня к нужному столику, где уже собралась святая троица: Люся, Саида и Медина. Первая меняет кавалеров, как перчатки. Вторая замужем за сыном олигарха. Третья только собирается под венец. Мы учились вместе в элитной частной школе, затем судьба раскидала нас по разным странам, а потом мы все вернулись в Казахстан. Девочки обосновались в Алматы, а я уехала покорять столицу. Многие до сих пор говорят за глаза, что на деньги отца. А он у меня на минуточку один из богатейших людей страны – Великий и Ужасный Ансар Дулатов. И я постоянно доказываю окружающим, себе и ему, что я чего—то стою сама.

– Я совсем забыла, что такое ваши алматинские пробки, – сокрушаюсь, целую каждую в щеку.

– Придется налить Сае штрафной! – смеется Люся, поднимая вверх бокал с вином.

– Я не пью, я за рулем, – сажусь напротив и одной рукой убираю волосы назад. – Завтра утром еду в конно-спортивный клуб покататься. Очень его хвалят.

– Ой, опять твои лошади, – морщит носик медина. – И надолго ты почтила нас своим вниманием?

– Я вообще на день рождения племянницы приехала. Он был сегодня утром, – прижимаю руку к сердцу.

– Ну вот у Данки уже двое? И о себе подумать надо, – хмыкает Саида, у которой своих уже двое.

– Не надо нам об этом думать, да, Сай? – верещит Люся. – Вот я, например, убежденная чайлдфри.

– А я еще не определившись, – шучу, но с каждым разом все больше хочу маленького, да не от кого.

– Прошу прощения, – к нашему столику подходит официант с бутылкой дорогого элитного игристого вина. – Это вам от нашего ресторана.

Девчонки тут же сели ровно, расправили плечи и воодушевились. Я же скептически посмотрела сначала на этикетку, потом на смазливый мальчишка и спросила:

– От кого и по какому случаю?

– От нашего владельца. Он попросил лично отправить его вам, – парень поворачивает голову в сторону барной стойки и тут я вижу его – своего несостоявшегося мужа, когда—то любимого жениха, который вырвал мое сердце из груди голыми руками и сдал в кулаке так,

что я дышать не могла. После него я перестала верить в любовь. После него я стала черствой и бесчувственной. После него осталась только выжженная земля, где больше ничего не растет.

За пять лет, что мы не виделись, Шакир возмужал, стал будто выше ростом и шире в плечах, отпустил бороду. В черной рубашке и брюках он определенно влажная мечта каждой третьей в этом зале. Но этот клоун смотрит прямо на меня. А я отвожу взгляд и говорю официанту:

– Унесите.

– Прошу прощения?

– Унесите, пожалуйста. И скажите своему владельцу, что мы в его подачках не нуждаемся.

Парень шокировано и недоуменно моргает: мол, любая другая на вашем месте уже бы писалась кипятком от такого внимания, а вы...

– Это всё, – снисходительно улыбаюсь я. – Хотя нет, принесите меню.

Как только он уходит, девчонки шипят на меня:

– Ты что, Сая?! Разве так можно?

– Я не пойму, чего вы губу— то раскатали? Каждая из вас может позволить себе такое и не только! – цежу я.

– Дело не в шампанском. Дело во внимании, – дует губки Люся.

– Это от Шакира.

– Твоего бывшего? – хором восклицают девочки.

– Бинго! – хлопаю в ладоши. – Он и есть владелец!

– Ой! – Люси виновато зажимает рот ладошкой. – Я не знала, Сай. Я бы никогда... ты же знаешь.

– Вон он стоит у барной стойки, – недовольно бросаю я.

– Где? – сидящая рядом Медина вытягивает шею, Люся и Саида дружно поворачиваются как раз в тот момент, когда Шакир важной походкой шагает к нам. Вот только этого мне не хватало. И бежать— то уже некуда!

– Дамы, – оказавшись рядом с нами он мило улыбается каждой, но получает классическую “морду кирпичом”. – Сая.

– Шакир, – вежливо киваю, ловя на себе его заинтересованный взгляд. Да, я сегодня хороша – и фигура, душа. На мне темное коктейльное платье ниже колен, которое сидит на мне как влитое, открывает мои округлые плечи и подчеркивает высокую грудь.

– Ты не приняла мой подарок, – не спрашивает, а утверждает. – Могу узнать почему?

– Потому что я не дам такому козлу, как ты, платить даже за мой гроб.

Люся громко поперхнулась вином. У Саиды глаза навывкате, но она усердно хлопает нашу блондинку по спине. Медина раскрыла рот от удивления, схватилась за телефон и, кажется, снимает вытянутое лицо моего бывшего.

– А ты изменилась, – на секунду мне показалось, что он сказал это с восхищением.

– А ты постарел.

Шакир усмехается, чешет бровь большим пальцем и изрекает народную мудрость:

– Знаешь, как говорят: “Старый конь борозды не испортит”.

– Но и глубоко не вспашет, – снисходительно заканчиваю поговорку.

Вижу, как желваки под кожей дергаются. черты лица заострились. Недоволен. Даже зол. А что ты хотел, милый, после того, как стал моим первым, а потом за моей спиной трахал мою подругу за месяц до нашей свадьбы?

– Дамы, – он снова кивает, но уже на прощание и уходит несолоно хлебавши.

– Ну ты просто безупречная стерва, – говорит с восхищением Медина.

– Знаю. Умею. Практикую, – кривовато ухмыляюсь и беру из рук прибежавшего официанта меню. – Так, чем здесь можно не отравиться?

Спустя два часа возвращаюсь домой и снова прокручиваю в голове наш короткий диалог. Я все сделала правильно, поставила его на место, обозначила границы. Мне уже не больно. Мне просто обидно. Пять лет назад мы с сестрой вернулись из Италии, где купили шикарное белое платье и не только. О том, что мы прилетаем раньше, я Шакиру не сказала – хотела сделать сюрприз. Сделала. Открыла дверь в его квартиру своим ключом, а он на нашей кровати... с моей подружкой невесты... далеко не в позе лотоса.

А ведь я мечтала о другом. Хотела любить и быть любимой, как моя дорогая мамочка, которая умерла одиннадцать лет назад. У них с папой была идеальная история, и я хотела написать с Шакиром такую же. Ошиблась. Он не герой моего романа. Аллах отвел. Уберег. Сделал сильнее.

Усталость накатила внезапно. Я еду по маленькой улочке и на светофоре поворачиваю налево, в сторону дома. И вдруг, совершенно неожиданно, меня ослепляет свет фар машины, которая летит мне навстречу. Реагирую мгновенно, давлю на тормоз и резко останавливаюсь. Меня бросает сначала вперед, потом также стремительно назад.

Дышу, как сумасшедшая и кажется, сердце сейчас выпрыгнет из груди. Поворачиваю голову и вижу, как мимо меня пролетают машины. И тут до меня доходит: это я вылетела на встречу. Это я повернула на одностороннюю улицу, хотя была уверена, что она двухсторонняя. Благодарю Всевышнего за то, что никого не убила, хотя могла. Наши машины остановились в паре сантиметров друг от друга. Аллах уберег, но решил, что это еще не всё

В окошко моего черного Лексуса GX460 стучится мужчина. Взрослый такой, солидный. В свете фонаря я вижу, как серебрится седина в его волосах, но лицо при этом совершенно не старое. Я бы даже назвала его чертовски привлекательным, если бы он не был зол, как черт.

Вжимаясь в кресло, понимаю: хорошего не жди. Он снова стучит костяшкой указательного пальца и что-то гневно говорит. Не могу расслышать и медленно опускаю стекло.

– Да? – включаю деловую женщину.

– Выходи, – требует он.

– Те.

Боже, ну давай только без твоих выкрутасов, Сая. Просто закрой рот!

– Что? – насупившись, едва не рычит незнакомец.

– Выходи...те, – смотрю на него устало и понимаю, что мне конец.

Мои дорогие! Приветствую вас в легкой, романтической и искрометной истории! Добавляйте книгу в библиотеку, чтоб не потерять ее. Буду очень благодарна за ваши звездочки и комментарии, потому что они помогают поднять книгу в рейтинге, а это значит, что о ней узнает больше читателей. Листайте дальше – там визуал. Ну а глава от Фархата завтра утром!

Глава 2. Кукла моргучая

Фархат

От этой девицы меня уже трясет. Мало того, что вылетела на встречу и чуть не убила нас, так еще и сидит вся такая важная и деловая, учит меня правильно к ней обращаться. Меня? Фару Татарина? Да я сам кого хочешь, этому научу. В первую очередь такую, как эта...

– Сударыня, – цежу сквозь зубы, прижав ладонь к сердцу, – окажите честь – выйдите из машины. Или может, сразу ГАИ?

– Зачем же ГАИ? – мило улыбается она, а у меня уже внутри ураганище бушует. Ну и наглость. – Я выйду.

Наблюдаю за тем, как отстегивает ремень дрожащими пальцами, затем открывает дверь и выходит. Окидываю взглядом ее нарядное платье, густые каштановые волосы, прикрывающие оголенные плечи и слегка зависаю на миндалевидных голубых глазах, обрамленными густыми,

тёмными ресницами. Вот точно ведьма! На шпильках, но ниже меня. Смотрит так, будто сделала одолжение.

– Пошли за мной, – машу ей рукой и веду к перекрестку, над которым висит светофор и дорожные знаки. – Отсюда повернула, да?

– Да, – спокойно кивает она.

– А тебя ничего не смутило, нет? – прищуриваюсь и закипаю. – Стрелка налево перечеркнута, – скрещиваю руки в форме “икса”. – Поворота вверх нет. Только блядь вниз, – указываю ей как Ленин направление. – Ну что стоишь, как кукла моргучая?

– Во— первых, смените тон. На “ты” мы с вами не переходили, уважаемый. Во— вторых, постеснялись бы в вашем возрасте материться при даме. И в— третьих, я вам не кукла.

Глядит на меня с вызовом. Подбородок вздернула, руки на груди сложила, ножку выставила. Я спокойный человек... до тех пор, пока во мне не разбудят зверя. А у нее получилось.

– И чья это у нас такая дерзкая девочка? – склонив голову, прищуриваюсь.

– Папина, – отвечает она, даже глазом не моргнув.

– А, понятно, – убрав назад полы серого пиджака, упираюсь ладонями в бока, задев кожаный ремень на джинсах. – Папочка, значит, купил доче дорогую игрушку, но не научил ею пользоваться, чтоб кого-нибудь случайно не пришить.

– Послушайте, – она изящно отбросила назад копну шоколадных волос, открыв длинную, тонкую шею. Поразительная выдержка у девчонки. – Я не знала, что эта улица стала односторонней. Она всегда была двусторонней. Я не заметила знак, признаю. Но у вас в Алматы так быстро придумывают новые правила, что я не успеваю за ними следить. Уж простите!

– Столичная?

– Что? – хмурится она.

– Из столицы приехала, значит, – вздыхаю снисходительно и иду к машине, – Всё ясно.

– И что же вам ясно? – окликает она меня, а потом идет следом. – Сказали “А”, говорите и “Б”.

– Да нет, куда нам до вас, – вот и вывел девицу на эмоции. И похоже, она та еще фурия.

– Ах да, ну конечно! Вы же здесь в Алматы самые умные и крутые. Считаете себя пупами земли, – кидает мне в спину. – И что за мужики пошли? Крутая тачка и седина в волосах мозгов ни к верхней, ни к нижней голове не прибавляют, если что.

Я останавливаюсь рядом с ее Лексусом и медленно разворачиваюсь. Это что сейчас было? Малолетка совсем страх потеряла и нарывается. У меня внутри уже все клокочет и стучит – сейчас взорвется.

– Что ты сказала? – прищуриваюсь, рот стал просто одной тонкой полоской.

– Вы слышали, что я сказала, – шипит на меня змеей.

Открываю рот, но тут меня окликает Ания с малышкой Лилей на руках:

– Абы! (обращение к старшему брату у татар). Поехали, пожалуйста. Лиля испугалась.

Смотрю на своих девчонок, потом на эту принцесску с гонором. Увидев ребенка на руках матери, она притихла, заметно вздрогнула и опустила глаза. Неужели осознала? Неужели стыдно? А пусть будет так. Я в момент резкого торможения испугался за своих девочек. Ания – моя младшая сестра, я всю жизнь нес, несу и буду нести за нее ответственность. Лиля – любимая племянница пяти лет, которую я обожаю, как родную дочь. Когда эта девица вылетел на встречу, я быстро среагировал, и сразу же посмотрел назад, где сидели Ания с Лилей. Сестра прикрыла дочь собой, а я рассвирепел.

– Ания, садитесь в машину. Я сейчас подойду, – говорю мягко, а потом обращаюсь к виновнице. – И вы тоже уезжайте от греха подальше. Я постою, пока вы развернетесь.

И тут я вижу, как она поднимает на меня свои глаза и они у нее блестят. Неужели от слез?

– Хорошо. Спасибо, – соглашается она, открывает водительскую дверь, но не садится, а вцепившись металл, смотрит на Анию.

– Простите, пожалуйста, я не хотела. Я не увидела...

– Все нормально, – мягко перебивает ее сестра. – Езжайте спокойно. Все обошлось.

И только после ее слов, принцесска ныряет в салон. Вся ее смелость вмиг улетучилась. Ничего не могу поделывать, только позлорадствовать. Бесят меня эти мажоры, папины дочки и прочая нечисть, считающая себя выше других.

Я возвращаюсь в свой BMW и молча наблюдаю за тем, как девчонка сдает назад, на этот раз аккуратно разворачивается и уезжает вниз. Ей еще повезло, что после девяти вечера именно на этой улице не такое оживленное движение.

– Успокоился? – слышу тихий голос младшей сестры.

– Да, – выдыхаю и завожу мотор.

– Говорила же, отпусти ты ее с миром. Ну ошиблась, с кем не бывает?

Милая Ания. Всегда была самой доброй, поэтому постоянно приходилось ее защищать, как старшему брату. Никогда не забуду, как забирал ее от мужа, поднявшего на нее руку. Увидев сестренку в синяках и крови, озверел и сломал гниде пару ребер и нос. К счастью, дело на меня не завели – знакомые похлопотали. С того дня я забочусь об Ани и ее дочери, которой на тот момент было полтора года.

– Она нас чуть не убила, – тихонько рычу я, но тут же беру себя в руки – племяшка снова напугается.

– Но не убила же. И мне показалось, она расстроилась.

– Тебе показалось.

– Ты злой.

– Я справедливый. Мало того, что вылетела на встречу, еще и разговаривала так, будто ей все должны.

– Мне так не показалось, – ловлю взгляд Ании в зеркале заднего вида. Да, ее уже точно не исправишь – ей всех жалко, даже бывшего мужа. – Все хорошо, что хорошо кончается.

– В прошлом году одного моего знакомого на зебре переехали. Вот там да, хорошо все закончилось.

– О, это для которого ты сдавал кровь?

Было дело. Сначала мы терпеть друг друга не могли, а после даже подружились. Он теперь говорит, что я его кровный брат.

– Да.

– Вот видишь, какой ты хороший. Но почему— то на дороге превращаешься в зверя. Впрочем, как все мужчины: что в 25, что в 49, – философствует сестра. – Или же ты просто накручен, потому что мама опять хочет познакомить тебя со своим терапевтом?

– Ой, не начинай, – морщусь, вспомнив мамины рыдания о том, что двое взрослых детей разведены, внучка без отца растет, а внук живет с моей бывшей, которую я почему зря содержу. А она мне нашла женщину за 40, еще и врача, еще и татарку. Не отрицаю, мне нравятся зрелые женщины. В прошлом году одна – бывшая жена того самого “кровного брата” – особенно зацепила, но не сложилось, остались друзьями. Я уже совсем остыл, а тут эни (с татарского – мама) со своим сводничеством.

– Кстати, девушка красивая, – улыбается Ания. – Как куколка.

– Кто? Терапевт? Ты видела? – хмыкаю.

– Какой терапевт? – смеется она. – Неет, я про девушку на “Лексусе”. Красивая. На татарку похожа.

– Не знаю, я не разглядел, – внимательно слежу за дорогой, поворачиваю направо. – Но гонор у нее тот еще. И характер скверный.

– Я же говорю, точно татарка.

На следующий день решил без объявления навеститься в конный клуб. Обычно всегда звоню, предупреждаю, чтобы коня моего Верного подготовили. После ужина у родителей и едва не случившейся аварии, захотелось расслабиться в любимом месте и отвлечься от всего.

– О, дядь Фар, а мы вас не ждали, – поздоровавшись за руку, наивно верещит новый конюх. Парень молодой, толковый, простой.

– Вот я такой весь внезапный, Азиз. Привыкай, – ухмыльнулся. – Верного сам оседлаю.

– А Верного нет, – улыбается он.

– Как нет? – останавливаюсь по пути в конюшню.

– Гостья одна приехала, прошлась и выбрала его для прогулки.

– Какая еще гостья? – пробасил я.

– Так это, – замялся Азиз, почесывая затылок. – Симпатичная, с гонором. Сказала, с детства верховой ездой занимается. Погуляла по конюшне, а тут Верный как заржет. Ну она на него такая... и говорит: “На нем поеду”. А я же не знал, что вы, – он стих, – приедете.

– Ох ни хера себе, – выругался себе под нос. Верный специфический конь и уж точно не для красивых барышень. Для таких у нас арабский жеребец Оскар – тот еще дамский угодник. А Верный – это черный дьявол. Мой любимчик. – Он же строптивый. Может ее скинуть.

– Так он чуть не скинул. Как на дыбы несколько раз встал, а она такая – раз— раз – и все, усмирила. Почти два часа уже катается.

– Поверить не могу, – цокаю, головой качаю. – Вот это предатель.

– А вон они как раз вернулись, – Азиз взмахнул рукой и указал на ворота. Я тоже обернулся и увидел хрупкую наездницу, красиво и уверенно сидевшую в седле. Чтобы лучше рассмотреть ее снял солнцезащитные очки и прошелся по ней взглядом. Черные сапоги для верховой езды, бежевые, облегающие брюки и синяя футболка— поло, почти как у меня. Она подчеркивала ее осиную талию и высокую грудь. Еще на ней был шлем и перчатки – ничего не скажешь, хорошо подготовилась.

Верный остановился на приличном расстоянии от нас, но мне стало интересно понаблюдать, что она будет дальше. Девушка ловко спустилась с моего коня, погладила его плечу, что-то шепнула ему и ласково почесала шею. А этот предатель только довольно заржал.

И тут она коснулась пальцами ремешка на шлеме, отстегнула его, сняла и поправила длинную косу. Где— то за ребрами странно кольнуло, когда вид сзади показался мне знакомым. Незнакомка, наконец, повернулась, взгляды наши встретились, а меня чуть кондратий не хватил, потому что передо мной стояла вчерашняя Принцесса с голубыми, как океанские льдины, глазами.

Что там Ания про нее говорила: “Красивая? Как куколка?”

саундтрек книги песня "Я хочу быть" Анны Асти на музыку Игоря Крутого.

Глава 3. Темные воды

Сая

Место действительно потрясающее. Тот случай, когда ожидание и реальность совпали на сто процентов. КСК “Номад” покорила меня огромной территорией, инфраструктурой, чистой, конюшной и ее обитателями. А уж этот черный красавчик Верный хоть и оказался норовистым, но и его я приручила. Пришлось, конечно, попотеть, когда он то и дело взвивался на дыбы, но игра стоила свеч.

За пределами клуба я перешла на рысь, которая быстро превратилась в галоп, стоило выйти в поле. Я скакала все быстрее и быстрее, подставляя лицо солнцу, чувствуя себя свободной и счастливой, больше не думая ни о бывшем, ни о том, что вчера только по счастливой случайности осталась жива сама и не убила целую семью. Да простит меня Всевышний!

Эта поездка нужна была мне как воздух, как лекарство от одиночества, боли и страха. И когда я летела на Верном быстрее ветра, мне казалось, что мы стали единым целым, понимая друг друга без слов. Это именно то, за что я с юности люблю верховую езду.

Прошел примерно час, когда я чуть успокоилась и вновь перешла на рысь, когда въехала на территорию яблоневого сада. Воздух здесь был невероятным и вкусным, а пейзаж завораживал и успокаивал мои расшатанные нервы. Да, при всей моей любви к столице, но такой красоты там нет. Стало безумно интересно, кто же все это содержит в таком порядке – выразила бы ему свое почтение.

Вернувшись в КСК, я спустилась наземь, поблагодарила Верного и сняла шлем. Странное жжение между лопаток почувствовала, и тут же обернулась. Господи, только не это!

На меня смотрел тот самый мужчина, чью семью я вчера чуть не отправила на тот свет. Он тоже не восторге от нашей встречи. Суровый взгляд из— под бровей, от которого внутри все холодеет и сжимается. Очень сложно признавать свои ошибки. Еще сложнее их исправлять. Сегодня я не такая смелая рядом с ним, но все— таки беру себя в руки и подхожу.

– Вот так встреча, – говорю первая и машинально перебрасываю косу на плечо. Он обращает на это внимание, потом мажет по мне оценивающим взглядом и отвечает: – Значит, это вы забрали моего коня.

Хмурится и злится, а мне хочется сквозь землю провалиться. Да что за напасть такая с этим мужиком?

– Так это ваш конь? Мне сказали, хозяйский.

– Хозяйский. Это мой клуб.

– Вот как? – приподнимаю брови. – Ну что ж, отличный клуб. Поздравляю.

На этом, пожалуй, разойдемся. Он подает сигнал конюху и тот, спохватившись, идет за Верным, оставив нас наедине.

– Я хотела извиниться за вчерашнее. За то, что напугала вашу жену и дочь. Честное слово, я не заметила знак. Очень устала.

– Это моя сестра и племянница, – объясняет спокойно. – Я не женат.

– А, – опустив глаза, тереблю черный ремешок. Не знаю, зачем мне эта информация, но ладно. – Тогда сестре передайте.

– Нормально. Главное – все живы— здоровы, – вдруг усмехается и он, а я поднимаю на него глаза и совершенно неожиданно меня сбивает с толку его кривоватая, притягательная улыбка. Голос у него чистый, глубокий, деловой. Да и сам он подтянутый, высокий, плечистый мужчина. Не могу понять, сколько ему лет из— за проступившей седины. Точно за сорок, но не пятьдесят. Замечаю крохотные морщинки у глаз и на лбу. Лицо у него открытое, чуть вытянутое, живое. Так стыдно, что вчера сказала ему про седину и нижние мозги. Впрочем, и он готов был меня убить на месте.

– Согласна. Я надеюсь, малышка не сильно напугалась. Сколько ей?

– Пять.

– Прекрасный возраст, – стараюсь быть максимально нормальной, запихав свой непростой характер куда подальше.

Поднялся теплый ветер и на лицо мне упала длинная прядь, выбившаяся из прически. Я смахнула ее пальцами и убрала за ухо. Тем временем, у мужчины челка на лоб упала, и он, запустив пятерню в волосы, зачесал ее назад одним движением. Руки – мой фетиш. Всегда обращаю на них внимание. А они у него крепкие, мускулистые, с выступающими венами. Настоящие мужские, сильные, волосатые руки.

Стоп, о чем я думаю? И почему мне не все равно? И зачем он сейчас так на меня смотрит?

– Как зовут вас? – неожиданно спрашивает мужчина.

– Сая.

– Меня Фархат.

- М, – слегка киваю. Мне казалось, что-то на “А”.
- Понравилось вам у нас? – ни к чему не обязывающий, дежурный вопрос.
- Очень. Завтра я улетаю, но как-нибудь обязательно вернусь.
- Возвращайтесь в сентябре, в самый урожай. Здесь в это время красиво, яблоки попробуете.
- Хорошо, – соглашаюсь и физически ощущаю, как с души падает тяжелый камень. – Ну что ж, мне пора ехать. Надеюсь, никаких обид между нами не осталось?
- Думаю, нет.
- Вот и отлично. До свидания.
- Всего доброго.

И вновь на каком— то странном, необъяснимом автомате я протягиваю ему руку в знак примирения. Он секунду— другую смотрит на нее и пожимает. И я клянусь, в этот момент меня прошибает током. Хочу выдернуть ладонь, но ее словно притянуло магнитом. Понимаю, ощущаю его мужскую силу и бешеную харизму. Подобный тип серьезных, суровых мужчин и в гневе, и в покое подобны океану, в темных водах которого ты будешь тонуть без шанса на спасение.

Глава 4. Сочная ягода

Фархат

Две недели спустя

– Не знаю, все— таки производство небольшое, убыточное. Поэтому владелец хочет избавиться от него, как от ненужного балласта, – разрезая ножом стейк, говорю своему армейскому другу, а ныне успешному предпринимателю Мише.

– Но ты все равно посмотрел.

– А что не посмотреть? – отправляю кусок мраморной говядины в рот, разжевываю, тихо вздыхаю, понимая, что действительно очень вкусно. – Убил двух зайцев сразу: в министерство сгонял, ну и на молочный завод.

– И что думаешь делать?

– Пока только почву прощупываю, нужно больше аналитики. Предприятие в упадке. Понадобится реконструкция, переоснащение, возможно, новые корпуса. Да много всего.

– Но ты заинтересовался, – хмыкнул Миша, взяв со стола бокал красного вина. – Тебя же сюда под дулом пистолета загонишь?

– Это столица. И как бы я ее не любил, но здесь перспективный рынок. А моя молочка – лучшая в регионе. Я не думаю, я это знаю.

Миша усмехнулся, покачал головой и посмотрел на меня с фирменным прищуром.

– Фара Татарин всегда был хитрым лисом.

– Теперь я старый, мудрый лис. Семь раз отмерь, один отрежь, – вновь скользнул острым лезвием по мясу, которое, надо отдать должное заведению, превзошло все мои ожидания. – Интересное место. И готовят вкусно.

– Да, многие хотели открыть ресторан в этой гостинице. Более серьезные игроки, чем дочь Дулатова.

– Серьезно? – вскидываю брови от удивления, тянусь за бокалом. – Не знал, что это его ресторан. Это же не сфера Дулатова.

– Так он им не занимается. Дулатов открыл его для старшей дочери, – объясняет Миша, который как столичный житель, в курсе многих бизнес— процессов в городе. – Она его раскрутила, вывела на хороший уровень, хотя все относились к ней скептически. Все—таки баба. Еще и дочь Ансара. Не представляешь, как местные акулы пытались вытеснить эту выскочку. Выбила себе это помещение на 25 этаже гостиницы. Слышал, характер тяжёлый, отцовский.

Вон кстати ходит туда— сюда, всё контролирует, хотя здесь директор есть. Говорят, помешана на контроле. Посмотри, в светлом платье, – друг указывает взглядом на хозяйку.

Сажусь в пол-оборота, опершись рукой о спинку стула и мне с какой— то невидимой зоны прилетает хук в солнечное сплетение. Да это же она – та самая девчонка, о которой я и думать забыл. Точнее – приказал себе о ней не думать. Сначала она чуть не разбила мою машину, потом увела коня, а после, когда я пожал ей руку, то у меня мгновенно мозги растеклись по черепушке и я строго— настрого запретил своей дурной натуре любые шутки, выпады и прочую ерунду в ее адрес. Когда она, наконец, уехала из моего клуба, я вздохнул с облегчением.

И что я сейчас вижу? Вновь ее тонкую, женственную фигуру в облегающем, строгом, бежевом платье. Скольжу взглядом по изящным изгибам, высокой груди и длинной шее. Густые каштановые волосы собраны в низкий хвост на затылке. Кожа светлая, молочная. Я помню, какая она мягкая и бархатистая по тому единственному рукопожатию. Сая Дулатова стоит ко мне боком и с кем— то увлеченно разговаривает, улыбается, шевелит бледно— розовыми губами. Не надо мне на нее смотреть – не к добру.

– Молоденькая совсем, – поворачиваюсь и говорю о ней как бы между прочим.

– Кажется, тридцать, – сообщает Михаил, а я все— таки пытаюсь поесть. – Но это что! Знаешь, как ее называют за глаза? Женщиной с яйцами.

Давлюсь куском мяса, начинаю кашлять и бить кулаком по груди. Миша быстро протягивает мне второй бокал с водой и после нескольких глотков меня отпускает.

– Чего? – переспрашиваю я, вытирая рот салфеткой.

– Ну это не я сказал. Так говорят, – разводит руками друг. – Знал бы ты, что эта деваха сделала недавно. Пьяного мажора – сына одного замминистра выставила из— за того, что он ущипнул ее официантку за попу и повалил к себе на колени. Я сам видел. Зал был битком, а он на Дулатову матом за то, что пыталась его выгнать. У девочки ни один мускул на лице не дрогнул. Привела охрану, словесно ткнула его мордой в дерьмо, как котенка.

– Не удивлюсь, если потом начались проблемы.

– А как же? СЭС, пожарные, налоговая. Выкрутилась.

– Здравствуйте.

Поворачиваем головы на мелодичный женский голос. Перед нами стоит сама хозяйка. Встретившись взглядами, замечаю что она немного смутилась, но тут же собралась. Пару секунд мы смотрим друг на друга, а потом она спрашивает:

– У вас все в порядке? Мне показалось, вы сильно кашляли? – сгибает руки в локтях, слегка скрещивает пальцы – длинные, точеные, со светлым лаком на ногтях. На тонком запястье болтается золотой браслет

– Все хорошо, – киваю сухо. – Просто поперхнулся. Здравствуйте, Сая.

– Здравствуйте, Фархат, – спокойно здоровается, держит субординацию. Она – на работе. Я – в обществе друга.

– Надеюсь, вам всё понравилось? – обращается к Мише, потом смотрит на меня.

– Более чем, – отвечает друг и на меня поглядывает. Я только хмурюсь.

– Все отлично. Нам понравилось.

– Я очень рада, – она дежурно улыбается мне и Михаилу, как рядовым гостям. Не более. И я думаю: “Так вот о каком папе она тогда говорила. А я ей стал чесать про то, что папочка купил дочке игрушку, но не научил пользоваться”. Узнал бы Дулатов, закатал бы меня в асфальт, наверное. Хотя, слышал, он мужик умный, ровный и не по беспределу.

– Приходите к нам еще, – добавляет Сая и, дежурно улыбнувшись, уходит.

Друг буравит меня многозначительным взглядом, но при этом молчит, как партизан.

– Что? – спрашиваю сердито.

– Нет, ничего, – вновь усмехается он. – Ты не говорил, что знаешь ее.

– Приезжала в КСК недавно. Увела моего коня.

– Говорил же, женщина с...

– Не начинай, – обрываю его жестом. Нет, никак у меня с ней не вяжутся эти слова. Она девушка. Невероятно красивая, притягательная, сложная и слишком молодая. Та самая сочная ягодка, которую страстно хочется сорвать, но на нее можно только смотреть.

Глава 5. Я думаю о нем

Сая

Больше всего я люблю, когда в зале полная посадка. Люблю смотреть на довольные, расслабленные лица гостей, на то, как слаженно работает кухня, официанты, хостес и бар. Мне нравятся ароматы, музыка и шикарный вид на город из окна. Особенно вечером. Сегодня в семь у нас банкет в ВИП— зале – кудалык, то есть национальный обряд сватовства. Две очень уважаемые и богатые семьи хотят породниться, и сегодня в моем ресторане соберутся сливки столичного общества. Так как я помешана на контроле, то с утра приезжаю в “Sense”, чтобы еще раз все проверить и обговорить с управляющим.

К часу меня ждут в другом моем кафе – семейном, тихом и уютном, с детским уголком и разнообразным меню для самых маленьких. Раньше я не рассматривала такую концепцию, но младшая сестра Данелия – мама дочки и сыночка – подсказала мне правильное направление. И действительно, как много пар хотят просто прийти в выходной день в кафе, сдать ребенка в игровую зону и просто посидеть наедине в тишине. Даже если это десять – пятнадцать минут покоя.

Пока жду лифт на двадцать пятом этаже пишу директору “Маленького принца”, что скоро приеду. В кабине еду одна, слава Богам. Не люблю попутчиков. От Ирины приходит сообщение по поставкам, я быстро отвечаю, не особо замечая, что лифт остановился на двадцатом. Двери медленно открываются, я отрываю глаза от дисплея и врезаюсь в удивлённый, но цепкий взгляд этого взрослого мужчины, который только вчера был моим гостем.

– Сая, – кивает он в знак приветствия и входит в кабину, вкатывая серый чемодан на колесиках.

– Фархат, – отхожу чуть в сторону, давая ему больше места. – Уже уезжаете?

– Да. Возвращаюсь домой.

Он встает рядом со мной, но мы никак не соприкасаемся. На нем темно— синий костюм и голубая рубашка. На мне – мой любимый белый наряд для деловых встреч: приталенный жилет и брюки— палаццо. Волосы сегодня распустила и уложила набок. Этот образ дарит уверенность. Вернее, дарил. Сейчас, рядом с этим загадочным, зрелым мужчиной я чувствую себя неловко. Наверное, потому что он знает меня стервой. А в гневе я совсем другой человек.

– Мне действительно понравился ваш ресторан, – говорит он неожиданно после недолгой паузы.

– Правда? – так вышло, что мы повернулись друг к другу одновременно.

Нос приятно защекотал запах его парфюма. Я даже его узнала – выбирала однажды для отца подарок и мне попался именно этот – “Армани” – свежий, как средиземноморский бриз. Папе я тогда купила другой, но эту воду хорошо запомнила.

– А почему нет? Все объективно было вкусно, – похвалил он и я заметила, как вздрогнули уголки его губ.

– Спасибо, я передам нашему шефу.

– Передайте, – он посмотрел на часы, а я перекинула сумку на локоть и мы случайно задели друг друга, когда он опустил руку. Да, подчеркну, это было случайно, но мы снова на пару секунд столкнулись взглядами и неловко улыбнулись. Не понимаю, почему я теряюсь в его

присутствии, почему меня внезапно бросает в жар и дышать тяжело, почему щеки покалывает от смущения каждый раз, когда он оказывается рядом?

– Погодка у вас, конечно, – хмыкает Фархат.

– Дожливо. Осень в Астане начинается рано.

– Я заметил. В Алматы до сих пор солнечно и жарко.

– Ох уж этот вечный спор, кто лучше, да?

– Ничего не могу с собой поделаться, – пожимает плечами и вновь поворачивает голову ко мне. – Я коренной алматинец. Мой прапрадед был ремесленником в Татарской слободке, когда город еще назывался Верным.

– Поэтому вы назвали так своего коня.

– Нет, не поэтому, – смеется он. – Он очень борзый и никто с ним не мог поладить.

– Кроме вас?

– Кроме меня, – утвердительно кивает. – И на удивление вас.

Ничего не успеваю ответить, потому что двери разъезжаются на первом этаже. Фархат касается ручки чемодана и спрашивает:

– Вы не выходите?

– Моя машина в подземном паркинге. Мне ниже.

– Тогда всего хорошего, Сая, – легкий кивок на прощание, и вот он уже выходит из лифта и идет к стойке ресепшена. Я осталась одна в кабине, в которой странным образом сплелись его морской и мой цветочный ароматы. Прижавшись спиной к холодной зеркальной стене, кладу руку на грудь и чувствую, как сердце бьется быстрее обычного. Дышу медленно, закрываю глаза, улыбаюсь и говорю себе: “Он – не тот. А я – не та”.

Домой после рабочего дня возвращаюсь поздно. Шикарная, просторная, светлая квартира встречает тишиной. Я одна. Как всегда. Как вчера, позавчера и неделю назад. Меня никто не ждет и я ни к кому не спешу. Но дома, особенно сегодня, хочется услышать родной, любимый голос, и я звоню ему.

– Саечка, – чувствую, как радуется и на душе сразу тепло и спокойно.

– Привет, папочка, – шепчу ему в трубку.

– Ну как, моя девочка, всех сегодня довела, или кто-то еще выжил? – издевается он.

– Обижаешь. Конечно, всех, – тихо смеюсь. – Как ты? Как Мира?

– Мы с Мирочкой собираемся смотреть кино. У нас теперь что-то вроде традиции субботним вечером, – по голосу слышу: доволен, как слон.

– Это Сая? – слышу голос мачехи. – Да? Сая, привет!

– Ты на громкой, дочь, – сообщает отец.

– Привет, Мир! Как ты?

– Отлично. А ты?

– Потихоньку. Что будете смотреть?

– “Осень в Нью—Йорке”, – отвечает Мира.

– О, Ричард Гир, – вспоминаю, что маме нравился этот актер.

– Да, люблю этот фильм. Хоть он и грустный.

– Пап, ну держись, – смеюсь и одновременно радуюсь за отца, за то, что он больше не один. Год назад папа женился на Меруерт Асхатовне – педиатре моей племянницы Сафии. Я же из— за своего скверного характера поначалу приняла Миру в штыки и даже нагрубила ей на семейном ужине, за что отхватила от папы. Он был вне себя от гнева. Просто раньше в моей картине мира папа должен был любить маму до конца своих дней. А ведь ее нет уже одиннадцать лет. Все эти годы я боялась, что в его жизни появится женщина, которая сотрет ее светлый образ из его памяти, ведь они так сильно любили друг друга.

Теперь же я вижу, как счастлив отец. Как он светится рядом с Мирой, как они дополняют друг друга и понимают с полуслова. Это поистине тот самый второй шанс, который они оба заслужили.

Поговорив с ними, принимаю душ, переодеваюсь, беспечно брожу по квартире. Потом ложусь на кровать, укрываюсь мягким пледом, включаю телевизор и нахожу в онлайн кинотеатре “Осень в Нью—Йорке”. Моя покойная мама тоже любила фильмы с Ричардом Гиром. Первые кадры, красивые пролеты над осенним Центральным парком, седовласый Ричард в черном пальто нараспашку необычайно хорош. А потом появляется молодая героиня Вайноны Райдер. Она празднует свой двадцать второй день рождения в его ресторане. Одна встреча. Между ними вспыхивает искра.

Тянусь за мобильным, гуглю картину. Читаю, что главному герою фильма 48. Это значит, у них разница в двадцать шесть лет. Пока суть да дело, они уже на экране гуляют по парку, а я понимаю, что в моей голове творится нечто неладное, потому что в мыслях то и дело всплывает он – высокий, шикарный мужчина с серыми глазами, глубоким голосом и густыми волосами, в которых тоже уже проступила седина. И все— таки сколько лет этому Фархату? И почему я все еще думаю о нем?

Шумно вздохнув, беру большую подушку – а я люблю именно такие, обнимаю ее крепко — крепко, чтобы только не чувствовать физического одиночества, и откидываюсь на мягкое изголовье кровати. Еще одна темная дождливая ночь, за окном раненой волчицей воет ветер. Не замечаю, как засыпаю под монотонный стук капель, и снится мне зеленый луг и всадник на вороном коне, что несется стрелой по бескрайним просторам.

СПРАВКА: В середине 19 века на территории нынешней Алматы было основано военное укрепление – город Верный. Вскоре разрослось и превратилось в крупную казачью станицу, куда активно прибывали поселенцы из центральных регионов России (Воронежской, Орловской, Курской губерний). В 1867 году Верный стал центром Семиреченской области. Рядом с укреплением возникли Большая и Малая станицы, Татарская слободка.

Глава 6. Сын

Месяц спустя

Фархат

Я до сих пор не верю, что сын сегодня уезжает. Мальчишка, которого я качал на руках, над которым трясся, когда мы узнали о его ДЦП, которого я учил стоять за себя, когда обижают другие дети, все— такие уезжает. И хочется верить, что своей целеустремленностью он пошёл в меня, и решил доказать всему миру, что несмотря на диагноз и видимый физический недостаток, он справится.

В начале нулевых я решил открыть свой бизнес. Мой дед еще советские годы был инженером— технологом молока и молочных продуктов. Я пошел по его стопам, но в конце 90 — х зарплата инженера была просто смехотворной, и я стал торговать молоком, домашней сметаной и творогом от деда с бабушкой. Потом арендовал малюсенький магазин сначала в одном районе, затем в другом, третьем. Дело выстрелило и захотелось расширяться. В 2010— м я купил убыточный молочный завод на окраине города и начал вкладывать всё туда. Теперь это мое главное детище, гордость, наследие, которое я хотел оставить своему наследнику Рафаэлю. Но он неожиданно решил стать программистом и поступить в Стэнфордский Университет, в самом центре Силиконовой долины.

Матушка моего Рафа, то есть моя бывшая жена Гуля, била себя в грудь и говорила, что не отпустит сыночку— корзиночку так далеко, потому что у него проблема с левой рукой из

— за легкой формы ДЦП. Пальцы скрючены из— за слабости мышц. Конечно, он может ею пользоваться: носит пакеты, нажимает отдельные кнопки на клавиатуре, держит поводья, когда катается на лошади. Но в то же время, он не может открыть дверь ключом, или собирать “Лего”, хотя мы и старались в детстве.

Тем не менее, в семнадцать он пришел ко мне и честно сказал: “Папа, хочу поступить в Стэнфорд и стать программистом. И опережая твой вопрос: да, я могу это сделать одной правой”. Вопросы у меня отпали, я просто им гордился, и сказал, что поддержу. А вот его мама была не в восторге и пыталась отговорить. Это с одной стороны понятно: она же мать. Но с другой, моя бывшая жена Гуля, очень любит не только сына, но и свою жертвенность рядом с ним. Ведь она столько лет несла этот крест, а теперь он машет нам здоровой правой рукой и уверяет, что справится без нас.

— Так, значит, как только приедешь, тут же набираешь меня, пока не дошло до инфаркта.

— И меня, — подает голос Гуля. — Сначала мне позвони, сынок.

— Если будут проблемы в общаге, — сжимаю плечо моего мальчишка и выставляю указательный палец вперед, — сразу набери. Будем искать квартиру.

— А почему нельзя было сразу найти ему квартиру, Фархат? — вставляет свои пять копеек бывшая.

— Да не будет там проблем, мам, пап! — смеется Раф. — Я наоборот хочу в общагу, среди людей жить.

— Но у тебя рука! — взмолилась мать.

— У меня их две, — смеется сын и поднимает вверх здоровую. — И голова!

Гуля тут же меняется в лице, прячет его в трясущихся ладонях и всхлипывает. Мы с Рафом недоуменно переглядываемся, а потом я намекаю ему, что мать хочет обнимашек.

— Ну мам, ну не плачь! — сын жмется к матери и гладит ее по спине. — Мы будем по видеосвязи общаться каждый день. Зато представляешь, какие у меня возможности! Я стану программистом.

— У нас и здесь можно стать айтишником, — всхлипывает Гуля.

— Можно. Но папа ведь поддержал меня. А я именно об этом мечтал.

Вытирая слезы, экс— супруга недобро косится на меня. По ее мнению, я вбил в его неокрепший ум мысль об образовании за рубежом. И чихала она на то, что я сам офигел, когда сын пришел ко мне с этой идеей.

— О, регистрация началась, — довольно улыбается Раф. Он высокий — почти с меня ростом, худощавый и светлый, с копной темно— русых волос и серыми глазами.

— Ну давай, сынок, удачи тебе! — потрепав Рафу по шевелюре, не выдерживаю и крепко его обнимаю. Как бы ни было тяжело его отпускать, я знаю, что это во благо. — Люблю тебя, сынок!

— И я тебя, пап! — он тоже обнимает, но держится стойко. — Мам!

У Гули снова глаза на мокром месте, она прижимает малыша к груди и гладит его по спине.

— И, пожалуйста, не убейте друг друга до моих каникул, — снова хохмит Рафа. К сожалению, он несколько раз видел, как мы с его матерью собачимся. Чести это нам не делает, но по — другому говорить иногда не получается.

Через несколько минут мы вдвоем смотрим вслед уходящему сыну и оба испытываем смешанные чувства. Когда— то Рафа всецело зависел от нас. Он бежал к нам за утешением, улыбкой, любовью. Когда— то я вместе с ним ездил на его иппотерапию и помогал взобраться на лошадь. Когда— то он делился со мной самым важным, а я говорил ему, что он все сможет. Я даже помню день, когда Раф впервые увидел море и бежал к нему, сломя голову. Теперь ему восемнадцать, и он выпорхнул из гнезда. И у меня на душе кошки скребут.

— Подвезешь меня до дома? — спрашивает Гуля, вытирая слезы платком.

– Поехали.

В машине несколько минут едем в тишине и слушаем радио. Я уже не помню, когда мы в последний раз вот так сидели и не кричали друг на друга. И тут я понимаю, что с отъездом Рафаэля, между нами окончательно разорвалась тонкая нить, которая связывала нас, как родителей. Я продолжаю платить за учебу сына в Америке, но у меня больше нет обязательств перед его матерью.

– Ну вот и все, – судорожно вздыхает Гуля. – Он все— таки улетел. А я осталась одна, – снова чуть не плачет она.

– Гуль, не драматизируй. Ты же не собиралась держать его вечно у юбки, – говорю немного с раздражением.

На удивление, она не упрекает. Обычно я для нее старый козел, который не разглядел ее чувствительную натуру, постоянно пропадал на работе и спал с секретаршей. А я тогда вообще мало спал, потому что на заводе все начало получаться. Я бы даже сказал, вопреки.

С Гульнарой мы поженились, когда мне исполнилось тридцать, а ей двадцать два. До свадьбы она была моделью, а потом у нас быстро родился Рафаэль, но оказалось, что он мальчик с маленькой особенностью. У него была няня— медсестра, водитель, массажист, частный учитель для подготовки к школе. Но жена была по— прежнему недовольна и упрекала меня в том, что я прихожу поздно, ухожу рано, выезжаю на завод, каждый раз, когда мне сообщают о какой-нибудь неполадке. А вскоре мне вообще стало все равно, довольна она или нет.

После развода Гуля получила квартиру, алименты и деньги на содержание, потому что работать и одновременно ухаживать за ребенком с ДЦП она не могла. Мы договорились, что это продлится до его восемнадцати лет. И этот день, наконец, настал.

– Фар, – зовет она неожиданно.

– Что?

– Может, пора поговорить? – вздыхает Гуля. – Как нормальные люди?

– Говори, – киваю и поворачиваюсь к ней голову, пока стоим на светофоре.

– Ну может, не здесь? – пожимает плечами и садится вполборота.

– А где?

– Приходи в гости. Ну что мы правда как кошка с собакой? У нас все— таки сын. Единственный.

Неожиданно улыбается и кладет ладонь поверх моей, лежащей на ручке коробки передач. Я хмурюсь, перевожу взгляд на нее: легкий румянец играет на щеках, длинные ресницы подрагивают, тонкие губы будто дрожат. Однажды я был в нее влюблен и меня, тридцатилетнего, вело от ее красоты и сексуальности. Она и сейчас, в свои сорок, очень хороша собой и не выглядит на свой возраст. Большим пальцем кисть мою поглаживает и ждет ответных действий.

Но я переключаю скорость и ее пальцы сползают. Гульнара возвращается в исходное положение, а я нажимаю на газ, перестраиваюсь и поворачиваю в сторону ее дома.

Глава 7. Хорошая свадьба

Сая

Сегодня вечером я не буду думать ни о чем, я буду просто радоваться. Подруга выходит замуж, свадьба проходит в элитном загородном комплексе Алматы, потому что две равно уважаемых семьи женят детей и хотят показать всю свою мощь и богатство. Поэтому гости делятся по принципу: родственники, друзья, коллеги молодых и бизнес— партнеры родителей, с которыми выгодно дружить.

Мой отец с Мирой тоже были приглашены, но уехали неделю назад на Карибы. Мама Медины, поправляя ей фату в комнате невесты, сокрушается, что папа так не кстати отчалил в отпуск со своей женой. Миру местный бомонд вроде и принял, но все равно считает преста-

релой Золушкой, незаслуженно вытянувшей счастливый билет в лице Дулатова. И после этого они еще спрашивают, почему папа не ходит на тусовки?

– Ну что же поделаться, тетя Шолпан, – вздыхаю я и подмигиваю подруге, – вторая молодость у него. Любовь— морковь, из одного медового месяца сразу прыгает в другой.

– В его— то возрасте не вредно? – сокрушается мама невесты. – Мы же ровесники.

– Любви все возрасты покорны, тетя Шолпан, – улыбаюсь и развожу руками. – А с Мирочкой он лет десять скинул точно. Цветут и пахнут вместе.

Ладно, пусть все завидуют.

– Кстати, девочки, – Медина обмахивает лицо ладонями и обращается к нам с Люсей, – много друзей Рамиля сегодня будет. Неженатых, – акцент на последнем слове меня веселит. Это камень явно в наш огород, потому что мы с Люси – холостячки за тридцать.

В комнатке, несмотря на работающий кондиционер, становится слишком душно. Выходим с девочками на веранду ресторана в стиле итальянской виллы. Гости уже потихоньку собираются на лужайке, где пройдет регистрация на американский манер. В 16 лет Медина заставила нас поклясться, что мы станем ее подружками невесты, как в кино, и оденемся в платья одинакового цвета. В 33 мы сдержали слово, и даже согласились на мерцающий изумрудный. У замужней Саиды платье закрытое и с длинными рукавами. У взбалмошной блондинки Люси разрез на бедре такой, что если во время церемонии она выставит ногу вперед, то перетянет все внимание на себя. А вот у меня спереди неглубокое декольте, но хороший такой вырез на спине почти до поясицы. И только длинные волосы, уложенные роскошными, мягкими волнами, прикрывают его, и то но не до конца.

В пять вечера, как и было запланировано, начинается официальная часть. Гости – сплошь сливки местного общества – уже расселись на белые стулья по обе стороны от прохода. Играет камерный оркестр, и к арке, украшенной живыми цветами, проходит сначала жених с тремя друзьями, а потом и мы. В руках у нас одинаковые букеты из белых лилий, роз и фрезий. Все только начинается, а я уже устала улыбаться. Окидываю взглядом присутствующих. Кого— то знаю, кого— то вижу впервые. Ведущий объявляет выход невесты, гости встают и смотрят в противоположную сторону – туда, где появляется Медина с отцом.

И вдруг у меня земля из— под ног уходит, потому что здесь Он. Пока другие смотрят на невесту, мы с Фархатом Валиевым глядим друг на друга, как инопланетяне, которые не верят, что снова встретились. Он смотрит на меня внимательно, пристально, с нескрываемым интересом. Кивает в знак приветствия, улыбается одними глазами, а я от волнения слегка прикусываю нижнюю губу, чувствуя вкус собственной помады.

Я говорю себе, что это ничего не значит, а сама отмечаю, как он хорош в черном костюме, ослепительно— белой рубашке и без галстука. Из кармана пиджака выглядывает светлый прямоугольник – тот самый акцент, на котором я невольно заостряю внимание и который так люблю я в мужских образах. Фархат расстегивает пуговицу на пиджаке, прячет руку в кармане брюк и все еще не отпускает меня.

Итак, какими судьбами он здесь? Друг отца невесты? Или жениха? Может, партнер по бизнесу? Родственник?

Мне стоит невероятных усилий спокойно выстоять церемонию, потому что я чувствую на себе его взгляд. Я знаю, что не должна ощущать трепет от его присутствия и внимания, ведь этот мужчина намного старше меня. Не ровесник отца, слава Богу, но ему где— то сорок три, может сорок пять. Он, как нечто запретное и загадочное, притягивает своей харизмой и энергетикой, пронизательными глазами и болезненным воспоминанием о том, как он однажды пристыдил меня, поставил на место.

Пока я думала о себе и о нем, вся церемония прошла для меня фоном. Я помню лишь искрящийся взгляд Медины, обрывистые фразы из их с Рамилем клятв, голос регистратора и ее финальные слова “Объявляю вас мужем и женой”. Потом аплодисменты, поздравления и

объятия родни. Благодаря суматохе, ухожу подальше, и вдали от взбудораженной толпы, опускаю руку с букетом вдоль тела, и смотрю на красивый пруд с кувшинками и водяными лилиями, а потом слышу шаги за спиной.

Чувствую жжение между лопаток и в районе поясницы. Именно там, где я обнажена, открыта, уязвима. Но мне отчаянно нужно скрыть свое волнение, особенно, когда я слышу:

– Хорошее место для свадьбы, да?

Его голос с хрипотцой неожиданно отдается эхом в сердце. Фархат встает рядом со мной. Нас разделяют сантиметры. Поворачиваю к нему голову, улыбаюсь и отвечаю:

– И как хорошо, что в кое— то веки не наше.

Глава 8. Опыт, знания, мудрость

Фархат

Тихо смеюсь, склонив голову набок и прячу руки в карманах. А что мне еще делать, если эта Принцесса меня волнует. Еще когда увидел ее у арки, понял, что только на нее сегодня и хочется смотреть. Знаю, смутил ее непозволительно, но ведь и она смотрела. А потом повернулась спиной и меня снова в солнечное сплетение с разбега ударили, да еще и кипятком окатили с ног до головы. Вид сзади – это нечто! Глубокий вырез открывает всю ее идеальную спину без изъянов. Я насчитал три родинки вдоль позвоночника прежде чем на обнаженную кожу обрушился водопад каштановых волос. Кажется, там есть еще.

– Вы со стороны невесты или жениха? – спрашивает, повернувшись ко мне.

– Жениха. Друг его отца. Вы?

– Подружка невесты, – приподнимает букет и указывает на него.

Да, конечно, это очевидно. Я же сам видел. Но старость – не радость, а я тупею. “Хрен тебе, Валиев!” – кричит мой внутренний голос. – “Мы же уже решили, что никаких малолеток. Посмотри на нее! Этот цветок точно не для тебя выращивали”.

Но чёрт возьми, какой от этой розы исходит аромат.

– Как ваша сестра и племянница? – внезапно она переводит тему.

– У них всё хорошо. Спасибо, что спросили, – поднимаю руку, машинально оттягиваю ворот рубашки.

– Наверное, мы с ней ровесницы? – аккуратные брови вздрагивают и она мягко мне улыбается.

– С кем? – не улавливаю сути.

– С вашей сестрой. Мне так показалось.

– Ей сорок.

– А тогда нет, – качает головой. – Я младше. Мне тридцать три.

Ну и зачем ты мне это сказала, девочка? Молчу, стискиваю зубы до выступивших на скулах желваков. Смотрю на пруд, чтоб успокоиться. Надо себе такой же сделать. Правильно, Валиев. Думай про пруд. А лучше всего нырни туда и освежись.

– А вам... сколько? – прилетает тихий вопрос от нее.

Опускаю на нее глаза, а она наоборот поднимает. Приказываю себе не смотреть ниже, и коротко отвечаю:

– Мне будет сорок девять.

– А...

– Что, совсем старый? – усмехнувшись, вновь разворачиваюсь к ней, и теперь мы стоим лицом к лицу.

– Вовсе нет. Это всего лишь цифра, – держится, как настоящая аристократка. Подбородок вскидывает и в глаза смотрит своими голубыми льдинками, которые мерцающим острием вонзаются в грудь. – Там, где одни видят возраст, я вижу опыт, знания, мудрость.

Она меня сразила. Секунду— другую не нахожусь с ответом, но мой взгляд падает на ее приоткрытые губы цвета красного вина. Внутри все в тугий узел скручивается – так хочется попробовать их на вкус. Не сомневаюсь, что могу опьянеть от сладости и пряности. Сомневаюсь в своей способности усмирить разбушевавшегося хищника.

– Сая, ну где ты ходишь?! Сая! – звонкий голосок возвращает нас в реальность.

Замечаю, как она вздрагивает и поворачивается к блондинке, которую тоже видел на церемонии.

– Иду, Люсь.

– Ой, – девушка останавливается и переводит взгляд с Саи на меня. – А я...помешала?

– Нет, – она берет ее под локоть, но все еще не уходит. – Познакомьтесь, это Фархат – друг отца Рамиля и владелец КСК, про который я тебе говорила. А это Люся. Моя подруга.

– О, так вы по лошадам? – наивно и невинно спрашивает светленькая.

– Не только. Я еще по коровкам, – говорю на полном серьезе.

– В каком смысле? – не поняла подруга.

– У меня молочный завод.

– Ах, завод, – тянет она и хочет еще что-то спросить, но Сая тянет ее на себя.

– Идем. Что ты меня звала?

– Да, Медина там температурит из— за каких— то цветов. Довела организатора до слез.

– Господи!

Она уходит, а я остаюсь на том же месте и смотрю ей вслед. Уже на приличном расстоянии, Сая оборачивается и дарит легкую улыбку. А я думаю только о том, что хотел просто поздравить молодых и свалить, потому что не люблю свадьбы и прочие приемы. Но планы меняются – я остаюсь.

Вечер, как вечер. Свадьба, как свадьба. Скучно до оскомины, но я держусь и высматриваю глазами Принцессу. То тут, то там мелькают девушки в зеленых платьях, но это и близко не она. Устав сидеть, встаю из— за стола и иду мимо танцпола в ресторан. Он сегодня обслуживает только эту свадьбу, но все торжество проходит на улице. Добираюсь до туалета, мою руки, насухо вытираю. А когда возвращаюсь обратно, замечаю у панорамного окна знакомую фигуру в изумрудном и спрятавшись за колонну, прислушиваюсь.

– Да что ты все никак не отстанешь? – говорит высокому молодому мужчине. – У тебя просто дар портить мне настроение.

Он закрывает ее, как черный шкаф, собранный из груди мышц.

– Сай, малыш, раз уж опять пересеклись, давай поговорим? – берет ее за руку и говорит тише. – Я скучал.

– Катись— ка ты в задницу, малыш, – звучит ядовито. – Туда, где сидел последние пять лет.

Давлю смех и качаю головой. Подслушивать нехорошо, но в редких случаях можно переступить через себя.

– Лучше тебя все равно не нашел, – не дает ей уйти. – И ты не найдешь. Я же помню, что был первым. Первых не забывают.

– Да что ты говоришь? – посмеивается. – Я просто поражена, как с годами растет твое самомнение. Только ты им передо мной не трясись. А то застудишь. Нечем будет трахать шлюх, – голос ледяной, как у Снежной Королевы. Я тоже помню ее в гневе, но здесь другое.

– Такая дерзкая ты мне еще больше нравишься.

Вижу, как он взял ее за запястье и рывком на себя потянул.

– Отпусти. Мне больно.

У меня же в груди буря поднимается и кулаки чешутся. Выхожу из— за колонны и широким шагом иду к ним.

– Сая! Отпусти, девушку. Быстро.

Мужчина оборачивается и смотрит на меня волком. Рот кривится, глаза горят.

– Чтобы я больше тебя рядом с ней не видел, – рычу на бородатого.

– Иди погуляй, дядя, – выплевывает недовольно.

– Иди сам погуляй, сынок, – цежу сквозь зубы.

Сая вырывает свою руку и кивнув мне в знак благодарности, спешит уйти.

Мы с недоумком буравим друг друга яростными взглядами.

– Даже не думай, – бросаю ему, разворачиваюсь и направляюсь к выходу.

Выхожу на крыльцо ресторана и вижу ее. Она стоит ко мне спиной, кладет руку на предплечье и поглаживает мерцающую в свете ламп кожу. Замерзла. Снимаю пиджак, подхожу ближе и набрасываю его на открытые девичьи плечи. Сая сначала смущается, не понимает ничего, но увидев меня успокаивается и с облегчением выдыхает.

– Это вы...

– Я. Похолодало, – говорю это, но совсем не чувствую холода. Особенно рядом с ней. Обвожу взглядом столы и танцпол, где развлекается молодежь. Старперы вроде меня, в том числе и мои друзья, разбрелись по группам и обсуждают дела. Ведущий что-то говорит, а я мимо ушей пропускаю. Сентябрьский безоблачный вечер плавно перетек в тихую, прохладную, но светлую ночь.

– Спасибо, – улыбается она мягко.

– У вас все в порядке?

– В полном.

– Знаю, это не мое дело. Но кто это?

Она делает глубокий вдох, прикрывает веки и отвечает.

– Это большая ошибка молодости, которая не вызывает во мне ничего, кроме отвращения.

Ответ исчерпывающий, и я больше ни о чем не спрашиваю, а просто стою рядом с ней. Мы молчим вместе. Слишком громко. Слишком близко. Быстрая музыка сменяется медленной. Молодожены выходят в центр зала и смотрят друг на друга так, что даже у такого циника, как я, не остаётся сомнений, что по любви поженились. Голос певицы красив, мелодичен, приятен. И вдруг происходит то, чего я совсем не ожидал. То, с чего и начнется моя одержимость ею. Сая медленно спускает с плеч пиджак, протягивает его мне и просит тихо:

– Пригласите меня на танец, Фархат.

Глава 9. Танец

Сая

Когда его правая ладонь касается кожи под моей лопаткой, а в левой – такой же широкой и немного шершавой – утопает моя кисть, я чувствую смущение, растерянность, волнение. От моей уверенности не осталось и следа, ведь это я его попросила о танце. Но стоило Фархату взять инициативу в свои руки, как вся моя смелость рассеялась и я стала слабой.

Он выше и мне это невероятно нравится. Его теплые и длинные пальцы несильно сжимают мои, серые умные глаза смотрят так, будто стараются прочитать меня, как книгу. Что же, удачи. Это будет сложно, а я даже не рискну проделать подобное с ним, потому что таких мужчин, как Фархат Валиев, прочитать невозможно. Я помню его в гневе, он помнит меня стервой. Но сейчас мы смотрим друг на друга совсем по-другому. Он ведет меня в танце, я подчиняюсь.

– Согрелись? – спрашивает тактично.

– Вполне.

Мы не выходим за рамки приличия в танце и держимся на допустимом расстоянии. Его движения медленные и плавные, он хорошо чувствует ритм, а я только подстраиваюсь.

– Надолго вы в городе?

– До вторника.

– Сегодня пятница.

– Обычно я прилетаю в конце недели, чтобы побыть с семьей, а в понедельник улетаю обратно. Но в этот раз мне надо задержаться.

– И что вас сейчас задерживает? – его короткая усмешка сбивает с толку.

– Может, что-то. А может, кто-то, – просто шучу, пожимая плечами.

Фархат ничего не отвечает, но в следующую секунду его пальцы проскальзывают под мои длинные волосы и я ощущаю, как он ведет жесткими подушечками вниз по позвоночнику, точно перебирает бело— черные кнопки на инструменте. И вдруг он останавливается на обнаженной пояснице, где кожа мгновенно плавится, точно горячий мягкий воск.

Никто другой не замечает его смелости, но я все чувствую каждой частичкой тела. И вижу, как меняется его взгляд, дергается кадык и уголки губ. Я могла бы ему запретить это. Всё бы закончилось здесь и сейчас, скажи я хоть слово. Но я не буду. Пусть считает меня легкомысленной. Я хочу этих прикосновений хотя бы сегодня. Я признаюсь сама себе, что меня к безумно тянет к этому мужчине. Вопрос в том, что делать с этим дальше?

Вечер плавно подходит к концу. Я сижу за столом с подругами, но голова витает в облаках. Люся толкает меня в бок и протягивает бокал. Принимаю его и делаю маленький глоток. Волнение в душе унять не получается. Мне радостно и грустно одновременно от того, что я жива, от того, что не бесчувственная машина, а женщина, которая может быть слабой. Но в то же время я больше не вижу его. Он ушел. Наверное, сразу после нашего танца, который закончился также внезапно, как начался. Я знаю, что не буду искать с ним встреч. Просто буду помнить, что от этого взрослого, красивого, статного мужчины, все внутри меня перевернулось и я целых три минуты была счастлива.

К счастью, наш танец не испортил Шакир. Оказалось, его семья недавно купила этот комплекс. И по закону подлости, он заехал посмотреть. На самом деле, знал, что невеста – Медина – моя подруга. Но после того, как я отправила его в пешее эротическое, больше он не лез. И слава Богу!

– Девочки! Выходите ловить букет! Давайте! Давайте, – веселенькая тетя Медины вытягивает нас с Люсей за руки и тащит на танцпол.

Отказывать неудобно, хотя я терпеть не могу эту традицию. Но все— таки остаюсь для приличия и прячусь за толпой восторженных сестер невесты и жениха. Прожженная холостячка Люся вообще вышла с бокалом шампанского и все равно ей, кто и что подумает.

– Готовы девочки?! – спрашивает счастливая Медина.

– Да! – кричат они.

– ”Вы готовы дети? Да, капитан! Я не слышу? Так точно, капитан! Ааа кто обитает на дне океана, – поет Люся мне на ухо. Она уже тоже очень хорошенькая.

– Тихо ты, – смеюсь и только хочу взять ее под руку, как мне прямо в руки прилетает букет невесты.

Люси начинает скакать рядом со мной как горная козочка и кричать, что мы поймали букет. А девушки, стоявшие впереди нас, поворачиваются и смотрят грустно и разочарованно. Медина бежит к нам через весь зал, обнимает меня, верещит, что я следующая, а у меня только в ушах звенит.

Гости начинают смеяться и аплодировать, а я так волнуюсь, что пытаюсь сфокусироваться на ком— то и мне внезапно кажется, что за одним из столов я снова вижу Его. Да, это точно Он. Поза расслабленная, пиджак расстегнут. В его руках стакан виски, он поворачивает

голову и шепчет что-то на ухо женщине, которую я уже видела несколько раз за вечер. Кажется, она родственница жениха, и ей судя по всему тоже за сорок. В ответ на его слова, дама смеется, ротик ладонью прикрывает и часто кивает, как болванчик.

И как по заказу в этот момент ко мне подходит ведущий, спрашивает, как меня зовут и сует микрофон под нос.

– Сая, – сжимаю потрепанный в полете букет и убираю волосы назад.

– Замуж собираетесь?

Натягиваю на лицо улыбку. К концу вечера даже тамада сдулся и тупит с вопросами.

– До сегодняшнего дня не планировала.

Снова смотрю на него и понимаю, что и он тоже смотрит. А рядом всё эта татешка прилипчивая сидит и бесит меня. Облизываю губы, отвожу взгляд, когда прилетает еще один вопрос:

– А претендент на руку и сердце имеется?

– Что?

– Молодой человек есть?

Усмехаюсь, потому что вопрос действительно дурацкий, но решаюсь на авантюру, нахожу глазами Фархата и встречаюсь с ним взглядами.

– Нет. Молодого человека у меня нет.

Глава 10. Что есть любовь?

Фархат

Ночью мне снится Сая. Вернее, даже не ночью, а под утро, что делает его вовсе не добрым, а болезненным, муторным и злым. Пришлось вставать под холодный душ, чтобы избавиться от ночного видения, но и тут мой мозг играет со мной злую шутку, потому что пока я стою под водой с закрытыми глазами, в мою старую, седую голову вновь влезает она. И понеслось...

Вспомнаю сон, в котором я точно также, как три минуты назад, зашел в душевую, а там – она. Отпрянула, но не вскрикнула, а только удивленно вскинула брови и прикрылась. В той реальности у меня сорвало чеку, после чего я подошел к ней вплотную, взял за запястье и заставил опустить одну руку вниз. Мы будто под дождем с ней стояли. А всего— то под встроенной душевой лейкой на потолке.

– Что ты делаешь? – спросила, когда я рывком прижал ее мокрое обнаженное тело к себе и стиснув зубы до хруста, шумно выдохнул через нос, потому что почувствовал, как ее острые вершины коснулись моей кожи.

Скромный взгляд из— под длинных ресниц мягко убивал. Не сказав больше ни слова, она положила ладонь на мое предплечье и повела ею вверх, нажимая на выпуклые мышцы тонкими пальцами, которыми в конце обвила мою шею.

– Поцелуй меня, пожалуйста.

Просьба совсем невинная. Как “пригласите меня на танец”. И я снова наступил на те же грабли: поддался, потому что хотел, потому что это сон и в нем возможно все.

Я целовал ее жадно, она отвечала тем же. Я грубо сжимал хрупкое идеальное тело в объятиях, а ведь мог и сломать, разбить как невесомый фарфор. Она запрокинула голову, подставляя шею поцелуям, стонала в голос, пока я собирал губами капли с ее сливочной кожи, дурея от запаха, ощущений, желания.

И вдруг все резко обрывается...

Сквозь клубы пара смотрю на свою пятерню на темно— серой плитке и сжимаю ее в кулак. Дышу в трудом, убираю ладонь с ручника и, крепко выругавшись, выключаю воду и

выхожу. Мне б**ь что, пятнадцать, чтоб херней страдать? Мне почти пятьдесят и я слишком стар для этого дерьма.

Несмотря на наступившее физическое облегчение, внутри меня не отпускает. Настроение по—прежнему отвратительное, меня все еще бесит собственная неадекватная реакция на девчонку.

У меня есть принципы и я четко им следую. Я строго разделяю работу и личную жизнь. Эти две Вселенные никак не пересекаются. Много лет назад я поклялся, что дам своему особенному ребенку всё, и я это делаю. Я говорил себе и ему, что он ничем не будет отличаться от других. Так и вышло.

Я не святой и не монах. В разводе уже давно, а физиология – штука сложная, но интересная. Мне повезло с генетикой, остальное все сделал сам: слежу за здоровьем, питанием, занимаюсь спортом и не имею вредных привычек.

Я не вожу женщин в свою квартиру, не ночую с ними и не даю ложных надежд. И да, я не сплю с женщинами младше сорока, потому что мне нравятся взрослые, умные и опытные. Без жеманства и притворства.

Пять лет назад у меня был роман с Инной – красивой вдовой с двумя детьми— подростками, которой муж оставил разваливающуюся сеть автомоек и долги. Я тогда помог ей, как знакомой своей сестры, и сам не заметил, как увлекся. Это увлекательный был аттракцион с ее вечным чувством вины перед детьми после нашего секса, и моей странной готовностью попробовать построить с ней семью.

Инна меня переиграла. Пока я решал ее проблемы, она подала на “Грин карт” и эмигрировала в Америку. Слышал от сестры, что на деньги от продажи бизнеса покойного мужа открыла там салон красоты и все— таки вышла замуж за американца.

Год назад мне понравилась другая женщина – моя ровесница. В яблоневых садах ее напугал мой Верный, а потом я предложил ей уроки верховой езды. Прикинулся обычным инструктором. Но у Джамилы была незаконченная история с бывшим мужем, которого она по—прежнему любила. Мы остались друзьями. В том числе, и с ее Отелло. Да, такой я странный человек.

Оглядываясь назад, я понимаю, что пол полтинник я так и не знаю, что есть все—таки настоящая любовь? Чувство, которое объединяет, окрыляет, заставляет жить? Физика и химия? Или нечто большое и необъяснимое?

Я всегда хотел, чтобы люди, которых люблю, были довольны и счастливы. Поэтому для меня не было проблем отдавать, дарить им то, что у меня было. Ведь мне одному столько не надо.

Но мне хотелось и получать, а не быть только решалой. И вот я стою на пороге полтинника. И то ли у меня запоздалый кризис среднего возраста, то ли я реально старею, но сейчас я все больше задумываюсь о смысле жизни и любви. Почему— то кому— то она приходит в руки, как Дар Божий. А кто-то, как я мается, принимая за любовь не то, что есть на самом деле. Тем обидней разочаровываться.

Наливаю себе кофе и включаю телефон. Подсчитываю, что у Рафы сейчас вечер и звоню ему по видеосвязи. Мой мальчик быстро берет трубку и машет здоровой рукой.

– Пап! Привет!

Тоже поднимаю руку и улыбаюсь. Горжусь им. Горжусь даже нами с Гулей, что мы вырастили сына в более или менее нормальной среде. Не считая наших споров.

– Ну как дела? Не обижают?

– Ты серьезно сейчас? – хмыкает сын. – Пап, здесь diversity (разнообразие). Все прям такие милые с инвалидами, будто мы детском саду. О, мне предлагали кстати забить...

– Так, мы с тобой уже говорили об этом, но я повторяю, – хмурюсь и включаю строгого батю. – Никакой наркоты, никакого лигалайза и пирожных с сюрпризом.

– Так откуда я буду знать, что они с сюрпризом? – ржет Рафа.

- Ну ты понял.
- Еще как! Слушай, пап, а как мама?
- Нормально, а что?
- Да она что-то не звонила два дня. Я думал, может, болеет.
- Не знаю. Напиши ей.
- А у вас что опять война? Или молчанка?
- Нет, – хмурюсь. – С чего ты взял?
- А чё ты такой злой?
- Не выпался.
- Ааа. Пап, – замялся он после недолгой паузы, – ты маму не бросай, пожалуйста. Она, конечно, специфическая и любит драму. Но она просто растеряна.
- А знаешь ли ты, сынок, – тяжело вздыхаю, – что основная причина дури в голове у женщины от безделья?
- Не знал.
- Теперь знаешь.
- Ну я тогда умываю руки, – он выставляет ладони вперед, – то есть руку. Я просто хотел попросить не жестить с ней.
- Я не жестю... жесчу... короче, нормально все! – рявкаю по— доброму, а сам думаю, что все— таки позвоню ей. Гуля хотела в прошлый раз поговорить, но мне позвонили с завода и я уехал, оставив ее дома. Видимо, теперь не отвертеться. Набрал ее назначил встречу на воскресное утро.

Глава 11. Бывшие

Фархат

- Итак, я тебя слушаю, – сажусь за стол, складываю руки и смотрю на Гульнару. Вот тоже красивая женщина, а у меня внутри полный штиль.
- Спасибо, что приехал, – театрально вздыхает, садится напротив, изящно забрасывает одну ногу на другую.
- Пожалуйста. Так что надо?
- Не знаю, что больше меня раздражает: то, что Гуля несколько лет назад выносила мне мозг истериками и требованием увеличить содержание, или что за полгода до отъезда сына она внезапно переобулась и стала сначала спокойной, а потом нарочито милой? Изначально мы предполагали, что Рафаэль будет учиться здесь, под нашим присмотром. Это значило, что я продолжу всё оплачивать не только ему, но и его матери. Однако мальчик ловко нас обвёл, но, как сейчас говорит Гуля, совсем не подумал о матери.
- Рафаэлка уехал, я осталась одна и ты говорил как-то...
- Ну вот опять она называет сына, как конфеты с кокосом. Сколько раз просил так не делать. Нет же. Гуля томно вздыхает, глаза в пол опускает. Не действует нифига. Только раздражаюсь.
- Ты говорил, что когда он станет совершеннолетним, ты перестанешь платить. Но вот уже три месяца ты все— таки платишь.
- Серьезно? – хмыкаю, изображая удивление. – Молодец, что честно предупредила, скажу бухгалтерии.
- Нет— нет, – размахивает она ладонями. – Я хотела сказать, что это великодушно с твоей стороны... не забывать обо мне.
- А я тут же вспомнил, как она год назад орала на меня из— за того, что банк заблокировал ее карту. Тогда я был старым козлом и шел на хрен. В Гуле все— таки умерла актриса.

– Просто Рафа тогда еще не уехал. Но ты же понимаешь, что у него теперь своя жизнь. Как и у нас. Надо идти дальше. Мальчик вырос.

Гульнара смотрит на меня жалобно, губу поджимает, кладет локти на стол и роняет голову в ладони. Плачет. Еще чуть— чуть и будет верещать: “На кого ж ты меня оставил?” Не выношу женские слёзы. Тупею от них.

– Что ты от меня хочешь, Гуля? – недовольно вздыхаю, приближая долгожданную развязку.

– Может, возьмешь меня к себе на работу? – всхлипывая, просит она.

– Куда? – усмехаюсь громко. – Ты же ничего не умеешь! Ты ни дня не работала после свадьбы.

– Я научусь. Мне всего сорок. Я могу быть твоим секретарем.

– У меня уже есть Просто Мария. Ее не подсидишь, – черт, как хочется смеяться.

– Ну где угодно могу поработать.

– О! – восклицаю. – На ферму нужны доярки. Пойдешь?

– Что? – губы кривятся, а в глазах нескрываемый гнев. – Какой еще дояркой?

– Обыкновенной. Я своих сотрудников не обижаю. Зарплата хорошая, соцпакет, отпуски, больничные.

– Ты... ты, – задыхается она. – Меня... коров доить?

– А почему нет?

– А ничего что я тебе сына родила? – вот в бывшей и просыпается фурия обыкновенная. – Ночами не спала! На реабилитации с ним ездила! Развивала как могла! А ты сейчас обижаешь меня!

– Началось, – качаю головой, подушечками пальцев сжимая переносицу. Гуля понимает, что переигрывает и замолкает.

– Ты спросила про работу, я ответил! Какие унижения? – сохраняя последние крупинки терпения, рявкнул я. – Хочешь работать, устройся!

– Куда?

– Да куда угодно! – бью ладонью по столу, а бывшая аж подпрыгивает. – Мест что ли мало?

– Я думала ты мне поможешь, – обиженно дуется, берет со стола салфетку и показательно вытирает глаза. – Я могу быть офис— менеджером, например. Или в рекламном отделе.

И на кой мне этот головняк – лицезреть бывшую в офисе каждый день? Да мы с ней дольше пяти минут наедине продержаться не можем, а она еще хочет работать на меня.

– Ну, пожалуйста, Фар, – протягивает руку и снова накрывает мою ладонь своей, поглаживает, ловит взгляд. Мне снова становится смешно, и я тихо качаю головой. Она меня за столько лет так и не узнала до конца. Впрочем, как и я ее. А потом я вспомнил, что пообещал сыну присмотреть за его матерью. Потому что какими бы чужими мы не были, но нас объединяет один светлый, сильный человек.

– В понедельник приходи в офис. Ничего не обещаю, но подумаю.

– Правда? – убирает от лица салфетку и хлопает ресницами. – Ты серьезно?

– Да, – бурчу почти сердито.

После встречи с Гульнаррой еду в родной КСК сбросить напряжение. Заранее предупредил всех причастных, чтоб снова с конем не получилась засада. К моему приезду Верного уже подготовили, накормили, седлали. Взобравшись на своего вороного коня, натягиваю поводья и устремляюсь к воротам. Галлоп по равнине – то, что мне сейчас очень нужно. Потом заеду в сады, проверю. Сезон сбора урожая начался, приезжают люди из города и для меня важно, чтобы там был порядок.

На выезде пересекаемся с Азизом, который привел с прогулки группу гостей.

– Салам алейкум, дядя Фара, – поднимает руку в приветствии.

– Уaleyкум салам. Как все прошло?

– Хорошо. Как всегда, – улыбается. – Кстати, дядь Фар, та татешка тоже приехала сегодня.

– Какая татешка? – хмурюсь, не понимая, о какой тётё речь.

– Ну помните, которая Верного увела в прошлый раз. О! – вспомнил он что-то. – С косой!

– Где? – спрашиваю не своим голосом и нетерпеливо жду, буравя беднягу злым взглядом.

Я понял, что он говорит о Сае и у меня сразу началась тахикардия, точно кувалдой по сердцу ударили. Она здесь. Она приехала на мою территорию. Зачем? Почему? Как давно? Столько вопросов и мыслей крутилось в голове, а главная из них – я, кажется, безумно рад, что увижу ее.

Глава 12. Укрощение строптивого

Сая

Не думала, что это может быть так красиво. А ведь он говорил мне приезжать в сентябре, когда начнется сбор урожая. И вот я здесь, только теперь не на его коне, а на белой лошади по кличке Снежана. Она покладистая, спокойная и выносливая. Впрочем, как и любая сильная женщина. Проскакала на ней через равнину, взобралась на холм со стройными рядами яблонь, ветви которых стремятся вниз под тяжестью плодов. В самом начале пути встретила горожан, которые собирают яблоки прямо в коробки. А их тут столько – бери не хочу.

В кармане олимпийки звонит мобильный – номер незнакомый. Натянув поводья, остановила Снежану и приняла вызов. Оказалось, звонит администратор клуба.

– Сая, здравствуйте! Извините...эм...что беспокою, – чувствую, что говорить ей неудобно. – А вы не подскажете, где вы сейчас территориально находитесь?

– А что случилось?

– Да нет, просто вы одна уехали, а у нас обычно все в группах. Просто для информации.

Звучит странно, но ладно. Говорю ей, что я в саду и по голосу слышу, что она прямо рада. Интересный у Фархата сервис, конечно.

Убрав телефон обратно, спускаюсь к лошади и веду ее к дереву, чтобы привязать. Полуденное сентябрьское солнце скрылось за серыми тучами, хотя когда выезжала, было ясно. Осмотревшись, понимаю, что на этом участке я одна. Сердце чуточку покалывает от разочарования, потому что я думала...я надеялась, что Фархат сегодня будет здесь. Встреча, как в старом голливудском кино. Постановочное знакомство. И несколько случайных, да не случайных пересечений. Смеюсь себе под нос и, погладив Снежану, утыкаюсь лбом в ее шею.

– Мы девочки, да? – спрашиваю ее, хотя он ни черта не понимает. – Даже в тридцать три мы хотим верить в сказки, правда? Погоди— ка.

Тянусь рукой к ветке и срываю небольшое яблоко. Потерев его о рукав, надкусываю и прикрываю веки от удовольствия. Такие сочные, сладкие, восхитительные. Снежана настойчиво бьет копытом, требуя и себе лакомство. Достаю ей плод поменьше, чтобы смогла съесть его целиком. Она ловко хватает его с моей ладони, а я смеюсь и морщусь от щекотки.

И в это мгновение я поворачиваю голову влево и вижу, как ко мне на скорости скачет всадник на черном, как ночь, коне. Узнаю и его, и хозяина. Надкусанное мною яблоко выпадает из рук и катится по траве. А стою, не шелхнувшись, и наблюдаю за тем, как он приближается, спрыгивает с Верного и, взяв его под уздцы, подводит к соседнему дереву, привязывает его и идет ко мне.

Пару секунд мы просто смотрим друг на друга без слов. Я так рада видеть его сейчас, что во мне разом поднимается какой— то незнакомый трепет и приятное ожидание.

– Где твой шлем? – спрашивает строго, указав взглядом на распущенные волосы. Как-то резко он перешел на “ты”, значит, и мне можно.

– Дома забыла, – тихо отвечаю, как провинившаяся ученица началки. Это правда. Я только когда выехала, поняла, что оставила его в прихожей, но возвращаться не хотелось. А еще я, кажется, забыла дома гордость и самообладание, потому что меня невыносимо сильно тянет к этому мужчине. Но я держу себя в руках и в рамках приличия.

Фархат делает шаг навстречу и оказывается в нескольких малюсеньких сантиметрах от меня. Смотрит сверху вниз серьезно, хмурится, будто ругать, как девчонку будет. И я не могу отвести глаз от лица с мудрым, взрослым взглядом, красивого мужского носа правильной формы, волевого подбородка.

– Голову надо беречь, – сурово произносит.

– Учту, – мягко киваю и улыбаюсь, чувствуя в его словах и интонации заботу.

– У тебя в волосах, – он поднимает руку, вытягивает ее и дотрагивается до меня. Я замираю и не дышу, – листок.

Пальцы Фархата касаются прядей и вытягивают крохотный лист, который тут же летит на землю. Но он не спешит убирать ладонь, а ведет ее по щеке, пока я, затаив дыхание, слушаю стук своего сердца за ребрами и в ушах.

– Зачем приехала? – буравит строгим взглядом.

– На лошади покататься, – отвечаю тихо

– А Верного почему не взяла?

– Это же твой конь.

– Но ты его приручила, – смотрит, насупившись, а уголки губ подрагивают.

– Нет, – мотаю головой. – Укротить – не значит приручить, – шепчу, не разрывая зрительный контакт.

Взгляд Фархата тяжелеет. Он напряженно разглядывает меня. Его ноздри раздуваются, а пульс ускоряется – я его ощущаю под кожей, когда обхватываю его запястье пальцами. Застываю в нервном ожидании, в надежде, что он сделает тот самый первый шаг, который я боюсь сделать сама. Но Фархат только внимательно смотрит на мои губы и, нахмурившись, спрашивает:

– Не хочешь прокатиться по окрестностям?

Глава 13. Сакская царица

Фархат

Я уже сто раз назвал себя старым дураком, но конная прогулка была моим единственным спасением.

Уже не отрицаю, что после свадьбы я смотрю на Саю совсем по— другому. Меня тянет к ней, я хочу ее, и эти первобытные инстинкты сильнее меня. Но я держу себя в узде. Я не могу ее напугать, у меня одно желание – оберегать.

Сейчас я дал ей фору – захотел посмотреть, какая она наездница.

То, как Сая скачет на лошади вызывает в душе трепет и восхищение. Ее длинные волосы развеваются на ветру, когда она летит быстрее этого самого ветра. Подобно амазонке, держит поводья одной рукой, привстает на стременах и ничего не боится. Мне кажется, если дать ей лук и стрелы, то она непременно справится. А может даже одна из них попадет мне меж глаз или в самое сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.